

КНИЖНЫЙ ДИСКУРС

Павел ГУРЕВИЧ

доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: gurevich@rambler.ru

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «КАНОН+»

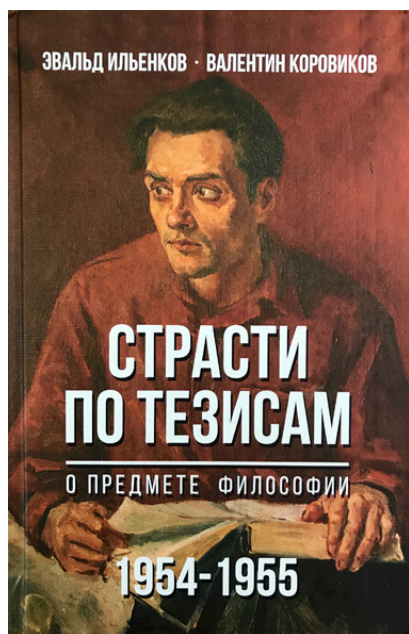
Из потока книг, издаваемых «Каноном+», выбраны труды, связанные с философией. Разумеется, они не совпадают по теме, жанру или временному промежутку. Так, в книге «Страсти по тезисам» анализируется давнее событие, относящееся к советскому периоду. Дискуссия о предмете философии вызвала серьёзные идейные размежевания в среде советских философов в 50-х гг. XX в., но всё же дала толчок развитию отечественной философии. В другой работе, представленной издательством, Л.А. Маркова анализирует особую разновидность эпистемологии, которая получила название социальной. Она одновременно показывает перспективы развития теории познания в целом. Сборник статей И. Раскина «По понятиям. Филоцистика. Публисофия» возвращает читателей к разным событиям истории философии. Автор отстаивает собственные позиции и оценки, не всегда совпадающие с общепринятыми. Представленные книги свидетельствуют о высокой репутации издательства «Канон+».

Ключевые слова: философия, предмет философии, мышление, культура, дискуссия, бытие, истина, онтология науки, знание, демифологизация

Философский детектив

Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с.

Автор вступительного слова к книге академик В.А. Лекторский определил жанр книги как философский детектив. В ней нет обычной литературной интриги, смены жизненных обстоятельств. Но присутствует драматургия идей и судеб. Сама история отечественной философии отнюдь не всегда далека от обозначенного жанра. Казалось бы, какие страсти может вызвать обсуждение тезисов о предмете философии. Трудно представить, какие вулканические разломы обозначались на живом теле отечественной философии, как глубоко и во многом разрушительно это отразилось на судьбах людей.

Пять лет назад мне довелось читать книгу Арона Гуревича «История историка» [2] Известный учёный рассказывает в ней о судьбе своих книг, об остром идейном противоборстве советских исследователей, часть которых занята наукой, а другая часть выстраиванием карьеры. Помню, я буквально не мог оторваться от этой книги, поражаясь

разброду идей, неожиданным поворотам судьбы, мстительности и озлобленности конъюнктурщиков, идейному энтузиазму рыцарей науки.

В рецензируемой книге тот же накал размежеваний. Несмотря на давность описываемых событий, я словно заново увидел людей, с которыми много лет работаю в одном учреждении – Институте философии РАН. В наши дни многие проблемы, затронутые в тезисах о предмете философии, утратили прежнюю значимость. Сложилась новая подходы, отечественная философия расширила круг своих увлечений общим процессом развития европейской культуры. Как отмечает В.А. Лекторский, в теоретическом отношении тезисы, особенно по тем временам, выглядели мощно. Основная идея состояла в том, что предмет философии – это теория познания, теория мышления. В тезисах познание сводилось к теории мышления. Это положение зачинщиков дискуссии вызвало бурю протеста. Суть позиции Э. Ильенкова в том, что законы мышления являются «съёмкой» законов бытия, поскольку именно в мышлении законы бытия выделяются в чистом виде.

В этом смысле между рецензируемой книгой и работой Арона Гуревича ощущается прямая аналогия. Мнится, будто обсуждаются теоретические вопросы, на самом деле речь идёт о детективном противостоянии учёных и карьеристов. В.А. Лекторский про события, описанные в книге о страстях по тезисам, подмечает: «Это было противостояние людей, которые занимались настоящей философией, и тех, кто никаких идей не имел, кроме одной – отстоять своё существование, своё положение, свою ортодоксальность» [3, с. 13].

Особенность книги, помимо всего иного, в том, что в ней прихотливо, часто по случаю мелькают документы, приводятся частные подробности, воссоздаются картины прошлого. Порой возникают фигуры, чьё включение в интригу требует пояснений, толкований, учёта неожиданных деталей. Современному читателю может показаться странным, что научное обсуждение проблемы принимает форму протокола партийного собрания. Вчитываясь в слова покаяния, которые свидетельствуют об отречении от собственных взглядов, Э. Ильенков не хочет, чтобы он ассоциировался с образом подсудимого. Однако на деле он действительно оказывается в этой ситуации. На заседании Ильенкову и Коровикову слова не давали, выступали только прокуроры. Между тем по истечении времени оказывается необходимым вообще восстановить по косвенным источникам сами тезисы, которые вызвали столь сильную волну.

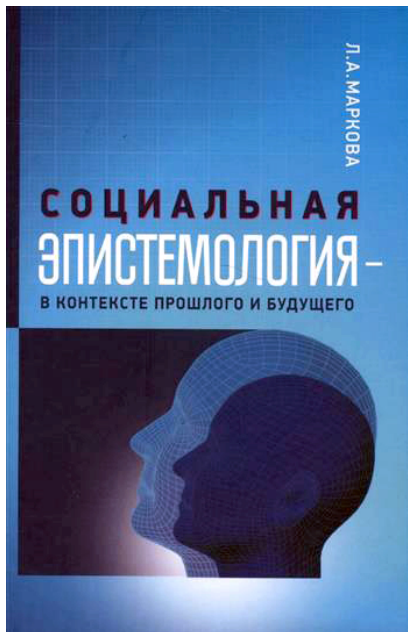
В книге напечатана «Философская тетрадь» Э. Ильенкова. Приведённые источники воспроизводят не только драматургию философских размежеваний. Они создают переключку идей – прежних представлений о философии и их нынешней аранжировки. Этому помогает серьёзная статья В.А. Лекторского «Размышления о судьбе философии и её предмете» [4]. В ней отмечается, что тезисы Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова были выражением принципиально нового взгляда по отношению к принятым в советские годы воззрениям, новому пониманию того, как можно и как нельзя работать в философии. Понятное дело, что дискуссия по «Тезисам» была не философским диспутом, а идеологической травлей. По словам В.А. Лекторского, основные философские проблемы – природа реальности, сознания, истины, разума, нравственных норм – остаются постоянными, но общего согласия не получается. Эти общие философские проблемы наполняются содержанием в конкретной культурной и исторической ситуации, в определённом контексте, и именно в этой конкретной спецификации и обсуждаются. И сегодня по-прежнему актуальны вопросы: как возможно непосредственное знание «Я» о самом себе? Как можно доказать существование внешнего мира? Как связаны между собой мозг и сознание и связаны ли они вообще?

Книга показывает, что тезисы Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова означали обретение нашей философией самой себя, создание нового интеллектуального пространства, новой проблематики.

Ориентация на человека

Маркова Л.А. Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 272 с.

Книга известного специалиста-эпистемолога Л.А. Марковой посвящена научным проблемам теории познания нового типа. Меняется целая система понятий, сцепленных друг с другом. Классическая эпистемология базировалась на понятии истины и объективности знания. Но именно эти концепты подверглись критической переоценке. Означает ли это, что произошла радикальная смена представлений о данной области философского знания? По мнению Л.А. Марковой, этого не случилось. Научная революция минувшего столетия не устранила сложившуюся систему взглядов. Однако возникла новая структура, которая функционирует в тесном взаимодействии с прежней.

Идея множественности истины поставлена на повестку дня. Фундаментом знания служит убеждение в том, что природа как объект исследования обеспечивает независимость истины. Иначе выглядит эта проблема, если эпистемология становится

социальной. Общественные факторы преобразуют научные представления. Это рождает догадку о плюральности истины. Укореняется релятивизм. В чём же выражается поворот в научном мышлении? В ориентации мышления не на природу, а на человека. В социальной эпистемологии на передний план выдвигается не понятие времени, а понятие пространства. Классическая наука не обнаруживала интереса к человеку. Это имело печальные последствия. Человек строил искусственный мир для себя на базе научных законов, используя природные ресурсы, но не ставил вопрос о пределах такого развития.

Л.А. Маркова ссылается на К. Маркса, который был убеждён в том, что в будущем фабрики вообще будут работать без присутствия человека. «Душой производства», как выражался Маркс, станет естествознание, законы которого полагают мир существующим независимо от человека. Выдвигая представление о значимости общения, Л.А. Маркова подчёркивает, что преобразуется не столько физическая природа человека, сколько характер его мышления. Научное мышление неклассиче-

ского типа иначе выстраивает отношения с техникой. К сожалению, в современном мире запрос на фундаментальную науку подменён прагматикой, прикладными исследованиями.

Исследовательница отмечает рождение новой онтологии науки. Наука теперь должна переносить на искусственную среду не законы неодушевлённой природы, а законы человеческого мышления. В наши дни особой востребованностью пользуются сила ума и быстрота реакции. Настало ли время говорить о трансгуманизме? Вопрос риторический. Экспансия трансгуманизма уже очевидна. Она захватывает всё новые и новые рубежи.

Л.А. Маркова рассматривает Д. Юма как нашего оппонента из прошлого. Его философия не согласуется с теми процессами, которые происходят в настоящее время. Эмпиризм Юма базируется на физической природе человека, его способности ощущать, воспринимать внешний мир с помощью органов чувств. В неклассическом мышлении базисом оказывается социальная природа человека, его отличие от других людей. Д. Юм создал механизм формирования идей, который в равной степени соотносится как с естествознанием, так и с гуманитаристикой. «Механизм этот основан на том, что *мысль* о каком-либо чувственном переживании (боль, например, от чрезмерного жара или удовольствие от умеренной теплоты) всегда бледнее *первичного ощущения* и никогда не может достигнуть его силы и живости. Подобным же образом разгневанный человек возбуждён совершенно иначе, чем тот, который только думает об этой эмоции» [5, с. 21–22].

Классическая антропология, как и эпистемология, выдвигала идею единой человеческой природы. Человеческие черты сохраняют свою тождественность в любой культуре и согласуются с природой. В современной неклассической антропологии идея единой человеческой природы подверглась радикальной критике. Никакой предустановленной природы человека не существует.

Л.А. Маркова, касаясь соотношения мышления и сознания, опирается на идеи В.С. Библера. По экспертизе Выготского, мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания. Но, по мнению В.С. Библера, мотив лишает мысль её самостоятельного значения. В этом случае мысль не может изменить исходный мотив. Л.А. Маркова показывает, что мышление, логика, язык рождаются из того, что не является мышлением, логикой, языком. Но тогда откуда у нас рождается идея, что мы получаем именно научное знание? Ответ таков: *ненаука* не является наукой, но она не совпадает с бесконечным разнообразием элементов контекста. Из бесконечного их множества сама наука в своём развитии вычленяет те, которые действительно могут содействовать пониманию и решению проблем.

В монографии показано, что меняется сама онтология философского мышления. Эмпирией оказывается уже не всё разнообразие окружающего нас материального природного мира, а в первую очередь со-

вокупность человеческих отношений. Л.А. Маркову интересует вопрос: как меняется окружающий человека мир, в какой мере он определяет содержание нашего знания? С другой стороны, как наша деятельность формирует этот мир?

Автор исследования полагает, что Библер стремился разработать понятие трансдукции. Глубинный замысел новой философской логики культуры, по Библеру, состоит в том, чтобы понять внепонятийное бытие. Культура его философии представляет особую форму актуализации бесконечно-возможного мира. Отсюда выводы Л.А. Марковой о праве на существование разных типов рациональности. «Нельзя не согласиться с тем, что элемент познавательного отношения к миру как существующему за пределами моего Я и независимому от любых форм моей деятельности всегда присутствует в мышлении любой исторической эпохи, не всегда будучи при этом, однако, определяющим» [5, с. 140].

Ценные размышления в книге касаются возможностей использования гуманитарного знания в построении социальных технологий. Прежний запрос на общее сменяется поиском индивидуального и особенного. В книге анализируются те трудности, которые пришлось преодолеть человеческому уму, чтобы освоить новый (по сравнению с аристотелевским) взгляд на мир. Со времён Канта философия не рассматривает человека как вещь. Поэтому суждения автора о том, почему нельзя рассматривать человека как конструкцию, обладающую автономностью, состоятельны. Такой взгляд (даже более радикальный) является основой современной философской антропологии. К сожалению, проблемы трансгуманизма затронуты в книге необстоятельно.

В целом монография является серьёзным исследованием. В ней затронуты острые вопросы теории познания. Проанализирован поворот в ориентации мышления не на природу, а на человека. В результате системность научного знания основывается на таких понятиях, как плюрализм, интересубъективность, диалог, инновации, контекст и ряд других, логически с ними связанных, а базовые понятия классической науки, истинность и объективность, становятся маргинальными. Показано, как радикально меняется значение фундаментальной и прикладной науки, граница между ними не только разделяет, сколько соединяет, что влечёт за собой другой тип отношений наука/общество и поиски новой научной парадигмы.

По канону или по вдохновению

Раскин Илья. По понятиям. Филоцистика. Публисофия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 392 с.

Известный учёный космополитического разлива М.Н. Эпштейн в книге «От знания – к творчеству» [7] призвал своих коллег отважно заниматься словотворчеством. Он, к примеру, рассказал, как читал рукопись о Сартре и там обнаружил опечатку. Вместо слова «судьба» было напечатано «будьба». Михаил Наумович сразу сообразил, что эта опечатка дорогого стоит: по сути дела появилось слово с особым значением. Будьба – это вам не судьба, а нечто иное. Тоже про жизненную канитель, но уже не с тривиальным обозначением.

Книга Ильи Раскина «По понятиям» приглашает кудесничать со словом, начиная с обложки. Бывает такая философия, которая тяготеет к публицистике. Но публичное, страстное слово не отделяет себя от философии. В аннотации сказано, что данное издание – первый целиком авторский сборник, который весьма неоднороден по

своему составу, стилю, содержанию. Не всё выстраивается по канону. Различны жанры материалов, не родственны темы, автор не прочь показать свою готовность демонстрировать непохожие стили. Таков авторский произвол. Тексты рождались в течение почти четырёх десятилетий. Трактаты, статьи, заметки И. Раскина посвящены самым разнообразным, иногда довольно неожиданным темам: проблема бессмертия, критика «расхожих» представлений о «капитализме» и «социализме», роль бесов в экономике, логика научного открытия, предмет психологии, душа и любовь. Трудно возразить – «роль бесов в экономике» действительно тема неожиданная. Бесы без кавычек – это уже конкретные персонажи.

Мнение Л. Шестова о том, что философия не должна быть скучной, поддержано давным-давно многими авторитетами. Недавно Ф.И. Гиренок, сетуя на унылость философии, заметил, что ею перестали интересоваться даже еврейские девушки. Сам он о Гегеле пишет так: «Назначение человека состоит в том, чтобы в себе самом уничтожить ничтожное. Наличным существованием ничтожного является душа. Вот

её-то и надо извести. Погубить. И главный погубитель – Гегель. Но без присмотра остаётся тело. Телом же каждому нужно овладеть как своим орудием» [1, с. 88].

Но и с Раскиным скучать не приходится. Уже в первой статье речь идёт о том, чтобы отменить смерть, уволить костлявую навсегда. Такие размышления приходят в голову не только яркому публицисту. Ещё нет бессмертия, а уже обсуждаются детали. Если все будут молоды, кто будет играть старуху Изергиль? Загримировать молодую актрису несложно, но кому будет интересна судьба старухи, которая не смогла родиться в положенное время бессмертия?

Вообще, когда мы думаем о будущем, наши представления остаются прежними, профсоюзными. К примеру, соображение о том, что придётся переписывать учебники по возрастной и педагогической психологии. Нам бы ваши проблемы... Шестов полагал, что потребность бесконечной жизни – это необходимость, а не каприз или причуда. Впрочем, время было такое, когда все умы смутил Н.Ф. Фёдоров. А для природы желание бессмертия как раз причуда.

И. Раскину мнится, что мышление тождественно бытию. Он считает такое утверждение истиной. В этом контексте понятно, почему автору не нравился М.К. Мамардашвили. Памфлет на советского (грузинского) философа явно не сложился. Весовые категории не совпадают. Автор часто сам не понимает, о чём он пишет. Только Шопенгауэр мог писать о Гегеле в таком «разгромном» духе: «Вот эта пошлейшая, простая, как доска, банальность, общее место позитивистского “здорового смысла” и есть основа всего глубокомыслия М.К.» [6, с. 25]. Полемические изыски И. Раскина позволяют повторить вслед за ним: «Свят, свят, свят».

Порой текст автора входит в нужное русло. Освободив себя от статуса полемиста, И. Раскин подчас предлагает внятный философский текст: «Три “Критики” Канта в своё время задали ту систему всеобщих способностей человека, в рамках которой развивалась философия, претендовавшая на рациональность. Возможности этой системы были реализованы практически сразу же: Фихте строил свою философию в первую очередь исходя из нравственной способности, Шеллинг – эстетической, Гегель – познавательной. Но все – в пределах “понятия”. Философия Фихте реализует не всеобщность поступка, но всеобщность понятия поступка, Шеллинг культивирует опять-таки понятие созерцания, у Гегеля, конечно, понятие понятия как всеобщее, сбрасывает тесные оболочки нравственного и художественного как снятые» [6, с. 101].

Философская гордыня обязывает И. Раскина писать о философах с раздражением, упрёком, даже злостью. Пожалуй, лучше предложить читателям, покупающим книги «Канона+», читать тексты Канта и Мамардашвили, а не маргинальные заметки И. Раскина. Автор действительно рассуждает на разные темы. С лёгкостью воспроизводит давно отвергнутые взгляды, пугает банальностями: «наука обычно противоречит

здоровому смыслу» [6, с. 118]. Сообщается, в частности, что И.П. Павлов ходил в церковь. Без тени сомнения утверждается, что человек на все 100% существо социальное.

Книга И. Раскина получилось нескудной, но особой радости она не приносит. Судя по приведённым сноскам, автора печатают в журналах, без его полемического дара многие издания явно страдают. Но данный труд не имеет адресата. Специалисты вряд ли найдут в книге повод для собственного вразумления, а уж массовый читатель, если он отыщется, приобретёт урок профессионального высокомерия и самозванства. Мне радостно, что И. Раскин публиковался во многих периодических изданиях в России и за рубежом, в коллективных научных трудах. Что ни говори, а публисофия нужна в той же мере, что и филоцистика.

Список литературы

1. *Гиренок Ф.И.* Фигуры и складки. М.: Академический проект, 2013. 243 с.
2. *Гуревич Арон.* История историка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. 285 с.
3. *Ильенков Э., Коровиков В.* Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с.
4. *Лекторский В.* Глазами очевидца (Вместо предисловия) // *Ильенков Э., Коровиков В.* Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. С. 5–13.
5. *Маркова Л.А.* Социальная эпистемология в контексте прошлого и будущего. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 272 с.
6. *Раскин Илья.* По понятиям. Филоцистика. Публисофия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 392 с.
7. *Эпштейн М.Н.* От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с. (Серия «Humanitas»).

BOOKISH DISCOURS

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of Anthropological Doctrines. RAS Institute of Philosophy, Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: gurevich@rambler.ru

THE NEW BOOKS FROM PUBLISHING HOUSE KANON +

From the flow of books published by “Kanon+”, were selected works related to philosophy. Of course, they are not the same topic, genre, or time period. So, the book “The passion of the theses on the subject of philosophy (1954–1955)” examines the distant event related to the Soviet period. The discussion of the subject of philosophy has caused serious ideological divide among Soviet philosophers in the 50-ies of XX century, but still gave an impetus to development of Russian philosophy. In other work presented by the publisher, L.A. Markova, analyzes a special kind of epistemology that has been called social. It also shows prospects for the development of the theory of knowledge in general. Collected papers of I. Ruskin, «By the code. Philocism. Publisophy» return readers to the different events of the history of philosophy. The author defends his own position and evaluation which not always coincide with the standard. Presented books testify to the high reputation of the publishing house «Kanon+».

Keywords: philosophy, subject of philosophy, thinking, culture, discussion, being, truth, ontology of science, knowledge, demythologization

References

1. Epshtejn, M.N. *Ot znanija – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenjat' mir* [From knowledge to creativity. How the humanities can change the world]. Moscow; St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 480 pp. (In Russian)
2. Girenok, F.I. *Figury i skladki* [Shapes and folds]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2013. 243 pp. (In Russian)
3. Gurevich, Aron. *Istorija istorika* [History of the historian]. Moscow; St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2011. 285 pp. (In Russian)

4. Il'enkoy, Je., Korovikov V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passion for theses on the subject of philosophy (1954–1955)], ed. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ, 2016. 272 pp. (In Russian)
5. Lektorskij V. “Glazami ochevidca” [Eyewitness’s eyes], in: Je. Il'enkoy, V. Korovikov, *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passion for theses on the subject of philosophy (1954–1955)], ed. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ, 2016, pp. 5–13. (In Russian)
6. Markova, L.A. *Social'naja jepistemologija v kontekste proshlogo i budushhego* [Social epistemology in the context of the past and future]. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. 272 pp. (In Russian)
7. Raskin, Il'ja. *Po ponjatijam. Filocistika. Publisofija* [By concepts. Philology. Publicism] Moscow: Kanon+ Publ, 2017. 392 pp. (In Russian)